

Минситова Мария Викторовна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ АТРИБУТИКИ
ДЕТСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

1 0 Н О Я 2 0 1 1

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Барнаул – 2011

Работа выполнена на кафедре
общей и прикладной психологии
ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Научный руководитель: Доктор философских наук, профессор
Семилет Тамара Алексеевна

Официальные оппоненты: Доктор философских наук, профессор
Кряклина Тамара Федоровна

Кандидат философских наук, доцент
Шамарина Елена Владимировна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Алтайская
государственная академия
образования имени В. М. Шукшина»

Защита состоится 23 ноября 2011 г. в 15 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.005.07 при ФГБОУ ВПО «Алтайский
государственный университет» по адресу: 656049, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Алтайского
государственного университета.

Автореферат разослан 21 октября 2011 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор социологических наук, доцент

О. Т. Коростелева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В современном социогуманитарном знании детство рассматривается как сложный феномен, на который влияют многие социокультурные факторы. Детский период развития человека по традиции изучается педагогикой, возрастной психологией, социологией, культурной антропологией и другими гуманитарными науками, однако в современных исследованиях явно недостаточно представлен культурологический аспект. Детство не просто определяется типом культуры, но является её основанием.

Осмысление феномена детства приобретает особую значимость в контексте трансформационного состояния современной действительности, которая характеризуется значительными изменениями как общества, так и человека. Ведь неперенным условием непрерывности и согласованности культурного бытия является передача молодому поколению поведенческих реакций, отвечающих всем стандартам данной культуры. В современном же обществе одновременное функционирование множества культур ведет к возникновению и нарастанию противоречий между ними. Многие исследователи говорят о таких явлениях, как кризис детства, индивидуализация и эмансипация детства, исчезновение детства. Такое состояние дел противоестественно. Данные тенденции в обществе могут привести к перерождению, дезинтеграции или окончательному исчезновению органической культурной системы, к ситуации, когда культура утрачивает свою жизненную силу, перестает быть жизнестойкой и самовоспроизводящейся. Это оказывает деструктивное воздействие и на личность. Отход от привычных ранее норм, правил, образцов культуры лишает человека уверенности, приводит к повышенной тревожности, депрессивности, неврозам.

Адекватное понимание детства лежит в основе решения многих антропологических, культурных, социальных проблем. Вовлеченность ребенка и взрослого в символический обмен приводит к становлению общего коммуникативного поля культуры, в призме которого и происходит осмысление феномена детства, подверженного тем же изменениям, кризисам или расцветам, что и культура в целом.

Понять детство как культурно-исторический феномен можно лишь с учетом возрастного символизма, то есть системы представлений и образов, в которых культура воспринимает, осмысливает и легитимирует жизненный путь человека и возрастную стратификацию общества.

Степень научной разработанности проблемы. О детстве писали многие выдающиеся мыслители прошлого. Упоминания о нем встречаются в античных философских текстах Фалеса, Анаксимандра, Гераклита, Платона, Аристотеля, Эпикура, Сенеки, Плутарха. В средние века в текстах Аврелия Августина, Фомы Аквинского о детстве упоминается в рамках учения о благочестии человека, о достижении им того состояния плотской «безгрешности», которым обладает ребенок. В период Возрождения

Э. Роттердамский, М. Монтень писали о детстве как о наиболее значимом периоде для воспитательных воздействий. В Новое время и период Просвещения Дж. Локк, Ф.-М. Вольтер, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо говорили о необходимости воспитания и обучения ребенка как потенциального мыслителя. Первые научные и философские систематизации представлений о детстве принадлежат И. Канту, И. Фихте, Л. Фейербаху. Русская философия в лице Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. В. Зеньковского развивалась под воздействием православного учения о детстве как предмете родительской заботы, трактуемой как обязанность человека по отношению к замыслу Бога. С. И. Гессен, будучи одним из основоположников философии образования, внес большой как теоретический, так и практический вклад в изучение детства.

Дальнейшие исследования детства привели к становлению отдельных дисциплин и отраслей знания. Этнографическое исследование детства характеризуется интересом к особенностям детского периода и специфике инкультурации у разных народов. Солидный фактический материал, а также основные положения этнографии и социологии детства связаны с именами М. Мид, Э. Эриксона, изучавших детство традиционных обществ. Они говорили об уникальности базовой структуры характера у каждого народа, а значит – об уникальности конфигурации внутрикультурных элементов, объединенных этосом культуры. Особый интерес представляют идеи Б. Малиновского о значении контекстных связей для функционирования культуры и исследования инкультурации М. Херсковица.

В социально-философском осмыслении детства, особенно в отечественной науке, большое значение имеют работы И. С. Кона, отражающие влияние культуры на социализацию ребенка. Он одним из первых открыл детство в качестве знаково-символического мира, требующего осмысления в категориях самобытности и равноправности. Большой вклад в понимание детства как социально-культурного феномена внесли работы А. Г. Кислова, Э. А. Куруленко, Е. М. Рыбинского, Д. И. Фельдштейна, Т. В. Щитцовой, С. Н. Щегловой, а также исследования по философии детства А. И. Авериной, А. М. Соколова.

Понимание детства как особой замкнутой системы имеется в работах С. Н. Иконниковой, И. С. Кона, М. В. Осориной. Они подчеркивают исключительную роль детских практик, посредством которых и конструируется само пространство детства. Работы В. Я. Проппа, В. И. Чичерова, Э. В. Померанцевой, В. П. Аникина, Ю. Г. Круглова, А. Н. Мартыновой позволили выделить детский фольклор в самостоятельный раздел народно-бытовой культуры и тем самым обосновали правомерность его изучения с позиции детской субкультуры.

Культурологическими реконструкциями детского фольклора занимались А. Ф. Белоусов, В. А. Василенко, Г. С. Виноградов, О. Н. Гречина, О. И. Капица.

Исследования семиотической образности игры и языка ребенка проводили С. Б. Адоньева, Е. А. Покровский, М. П. Чередникова, Ю. В. Эккеева.

В настоящее время тема детства находится на стыке различных исследований, имеющих антропологическую и гуманитарную направленность, - психологии, педагогики, психиатрии и психоанализа, этнографии, лингвистики, теории художественного творчества и искусствоведения, исторической науки, права, философии культуры, философской антропологии, социологии, культурологии. Однако до сих пор остается нераскрытой роль символической атрибутики детства в процессе передачи ценностно-смыслового ядра культуры от старшего поколения младшему. Данной проблеме и посвящено настоящее исследование.

Объектом исследования является символическая атрибутика детства в традиционной и современной культурах России.

Предметом исследования выступают сущностные изменения символической атрибутики детства в отечественной культуре.

Цель диссертации – выявить социокультурную суть изменений символической атрибутики детства, произошедших в отечественной культуре.

Достижение поставленной цели требует решения следующих задач:

1. Исследовать сущность детства как социокультурного феномена.
2. Сконструировать теоретико-методологический аппарат исследования детства и возрастных переходов с точки зрения их символики.
3. Выделить наиболее важные символические атрибуты детства.
4. Выявить социокультурный смысл атрибутов детства в русской культурной традиции.
5. Эксплицировать новационный смысл культурных трансформаций в современных атрибутах детства.

Теоретическо-методологической основой исследования являются:

- исследования проблем взаимоотношения культуры и личности, процессов социализации, культурной стандартизации человеческого поведения, культурных ценностей и механизмов адаптации Р. Бенедикт, Ф. Боаса, А. Кардинера, К. Клакхона, А. Крёбера, Р. Линтона, М. Мид, Л. Уайта, Э. Фромма, рассматривающих все многообразие форм человеческого поведения через определенные общие фундаментальные ценности культуры;
- концепция символа и «символической формы» Э. Кассирера;
- теории обрядов возрастных переходов, которые анализируются в работах М. Элиаде, А. ван Геннепа, В. Тэрнера и А. К. Байбурина;
- теория архетипов К.Г. Юнга;

- концепция Й. Хейзинги о всеобъемлющей сущности феномена игры и универсальном значении её в человеческой цивилизации;
- теория потребления Ж. Бодрийяра;
- культурвиталистская концепция жизненных сил культуры Т. А. Семилет.

Методами исследования выступают такие общенаучные методы, как анализ и синтез. Тема исследования предполагает применение междисциплинарного и системного подходов.

Метод сравнительного анализа оказался совершенно необходимым для теоретического освоения многочисленных научных концепций детства, а также позволил показать многообразие проявлений такого феномена, как культура детства. Осмысление места проблемы детства в контексте глобальных кризисных процессов современной культуры обусловило использование компаративистского подхода. Выявление сущности и специфики символов детства в динамике культуры делает особенно актуальным использование культурно-исторического метода.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Определены теоретико-методологические основания исследования детства как социокультурного феномена, главной функцией которого является трансмиссия ценностно-смыслового ядра культуры, закрепленного в символической атрибутике.
2. Впервые выявлены сущностные метаморфозы символической атрибутики детства в отечественной культуре.
3. Выявлен социокультурный смысл символических атрибутов детства в русской культурной традиции.
4. Эксплицирован новационный смысл культурных трансформаций в современной атрибутике детства.
5. Показан тотальный характер изменения атрибутов детства, проявляющийся в современных играх, игрушках, фольклоре, забавах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Теоретическими основаниями исследования детства как социокультурного феномена выступают идеи М. Мид, И. С. Кона, С. Н. Иконниковой, а также идеи культурвитализма, позволяющие рассматривать культуру детства как совокупность артефактов и практик, созданных как обществом для детей, так и детьми для самих себя, содержащую смысловое пространство ценностей, установок, способов действия и норм общения.
2. Главной социокультурной функцией символической атрибутики детства является передача ценностно-смыслового ядра культуры от поколения к поколению.
3. Атрибутика детства пронизана символами, выражающими понимание места ребенка в мироздании, границы детства, нравственные приоритеты культуры и цели воспитания. В ритуалах, игрушках, фольклоре, забавах выражаются глубинные образы конкретной культурной системы, которые хранят и воспроизводят характерную для данной культуры картину мироздания в ее ценностно-смысловом своеобразии.

4. В русской традиционной культуре детство представляло собой системно обоснованное, глубинное, сакральное явление с четко выраженными этнокультурными доминантами, а символические атрибуты детства выполняли функцию передачи от одного поколения к другому культурных ценностей, смыслов, гендерных и профессиональных стереотипов.
5. Современная культура детства становится поверхностной, ризомной, эклектичной, профанной, лишенной этнокультурного своеобразия, а символы и атрибуты детства зачастую используются, чтобы вызвать доверие к определенному товару или бренду и побудить к покупке. Ребенок из цели культурного воздействия превратился в средство получения прибыли и маркетинговых манипуляций. Суть метаморфоз символической атрибутики детства выражается в том, что:
  - естественная по происхождению культура детства сменяется культурой, искусственно создаваемой авторским творчеством и торговыми марками;
  - системно обусловленная и необходимая символическая атрибутика детства трансформируется в релятивную и случайную;
  - коллективный характер детства преобразуется в индивидуальный;
  - непосредственная культура детства традиционного общества превращается в культуру, опосредованную техническими приспособлениями и виртуальной реальностью;
  - привязанная к местности атрибутика становится глобальной, не зависящей от места ее функционирования;
  - имеющая гендерно-ролевую и профессионально-трудовую направленность культура детства трансформируется в культуру, имеющую потребительскую и гламурную направленность.

Теоретическая значимость диссертационной работы. Результаты исследования могут быть использованы для анализа современного состояния культуры детства, выводы автора вносят вклад в понимание функционирования культуры детства и его влияния на сохранение и реконструкцию самой культуры. Определены символические атрибуты детства, проанализированы изменения, которые они претерпевают под влиянием процессов, происходящих в современном обществе.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что полученные в результате исследования выводы могут быть учтены при разработке культурной политики в сфере детского воспитания, аналитические материалы могут быть использованы при разработке учебных курсов и составлении учебных пособий по теории и истории культуры, философии культуры, антропологии детства и педагогической антропологии.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были изложены автором на следующих конференциях: региональная научно-практическая конференция «Концепции современного естествознания в системе высшего образования», г. Барнаул, 2009 г.; «Проблемы духовного развития России: история и современность», г. Барнаул, 2010 г., 2011 г.; межрегиональная

научно-практическая конференция «Актуальные проблемы гуманитарного знания в философии и культурологии», г. Барнаул, 2010 г., межрегиональная научно-практическая очно-заочная конференция «Российское образование в XXI веке (философские, социально-культурные и психолого-педагогические аспекты)», г. Бийск, 2010 г.; межрегиональная научно-практическая конференция «Образование и религия в поликультурном обществе: региональный аспект», г. Барнаул, 2010 г.; научно-практическая конференция «Наука в социогуманитарной сфере», г. Барнаул, 2011 г.; научно-практическая конференция «Философские аспекты воспитания человека современного мира», г. Барнаул, 2011 г.

Некоторые аспекты работы излагались на заседаниях «круглого стола» «Традиции и ценности русской культуры», г. Барнаул, 2009 г., 2011 г., в Государственном музее литературы, искусства и культуры Алтая.

Основные положения диссертации были изложены в 12-ти публикациях в научных журналах и сборниках научно-практических конференций, в том числе в трех журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы исследования, анализируются степень научной разработанности проблемы, методологические основания исследования, его новизна; формулируются объект и предмет, цель и задачи работы, перечисляются основные положения, выносимые на защиту, указываются теоретическая и практическая значимость исследования, апробация его результатов.

Первая глава «Теоретико-методологические основания исследования символической атрибутики детства» состоит из двух параграфов. В ней рассматриваются подходы различных научных школ и течений, используемые в изучении культуры детства в целом, символов и атрибутов детства, в частности. Также осуществляется анализ понятий, важных для философского исследования детства.

В первом параграфе «Основные теоретические подходы к исследованию детства в социокультурной среде» рассматриваются философские взгляды на феномен детства в культуре. Автор отмечает, что в настоящее время отсутствует научное определение детства как особого состояния, выступающего составной частью системы общества, не раскрыта его социокультурная сущность. Исследователи, как правило, сводят понятие «детство» к рассуждению о том, какие возрастные группы надо относить к детям. Однако особенности процессов, происходящих в детстве, имеют фундаментальное значение для воспроизводства культур, и мир детства является важнейшим компонентом, лежащим в основе культуры любого народа. Теоретическими основаниями исследования детства как социокультурного

феномена выступают концепции, позволяющие рассматривать культуру детства как совокупность артефактов и практик, созданных как обществом для детей, так и детьми для самих себя, содержащую смысловое пространство ценностей, установок, способов действия и норм общения.

Согласно концепции культурвитализма, каждый культурный организм обладает особыми, только ему присущими образовательным принципом, культурной доминантой, которые задают определенный строй культурной системе, создавая своеобразие ее конституции. Традиции, обычаи, обряды, ритуалы, педагогика, образование и воспитание относятся к жизненным силам органической культуры, которые выполняют функции сплочения духовных, психических элементов в живой организм, неповторимую культурно-историческую индивидуальность и обеспечивают слаженное и целесообразное существование этого культурного организма. Поэтому феномен детства далеко не универсален и варьируется в зависимости от культурных традиций общества.

Вхождение ребенка в культуру своего народа М. Херскович назвал инкультурацией. В процессе инкультурации человек осваивает присущие культуре миропонимание и поведение, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов других культур. Инкультурация подразумевает усвоение символического пространства культуры. Освоение объектов культуры и их значений возможно только в определенной знаково-смысловой среде, уникальной для каждого народа. Главной социокультурной функцией символической атрибутики детства является передача ценностно-смыслового ядра культуры от поколения к поколению. Культурное пространство позволяет усвоить принципы культурных норм и становится также источником самоидентификации человека.

В настоящее время используется еще одно понятие – культурной трансмиссии, включающей процессы инкультурации и социализации и представляющей собой механизм, с помощью которого этническая группа передает свою этничность по наследству своим новым членам, прежде всего - детям. Используя культурную трансмиссию, группа может увековечить свои особенности в последующих поколениях с помощью основных механизмов научения. Трансмиссия культуры включает в себя не только информационный поток от родителей к детям. М. Мид различала в человеческой истории три типа культур с точки зрения характера трансляции опыта между поколениями: постфигуративные культуры – дети учатся у своих предков; кофигуративные культуры – дети и взрослые учатся у равных, т. е. у своих сверстников; префигуративные культуры – взрослые учатся у своих детей.

М. Мид работала в рамках научного направления "Культура-личность". Представители данного направления рассматривали детство в качестве феномена, изучая который в упрощенном виде, но со специфическими культурными особенностями, можно было увидеть мир «взрослой» культуры. Они рассматривали средства и методы инкультурации детей как способ понять

специфику каждой культуры. Концепцию М. Мид можно отнести к историческому или эволюционному подходу изучения детства.

Ф. Арьес одним из первых показал, что детство имеет сложное, не одинаковое в разные эпохи социальное и культурное содержание. Согласно его концепции, одна из главных характеристик культуры в целом – это то, как общество воспринимает и воспитывает своих детей. Ф. Арьеса и его последователей интересуют социальные установки и отношение взрослых к детям и детству.

Американский психоаналитик, социолог и историк Л. Демоз предложил еще одну концепцию истории детства, которую назвал «психогенная теория истории». Психоистория, по Л. Демозу, – это независимая отрасль знания, которая устанавливает общие законы и причины исторического развития, коренящиеся во взаимоотношениях детей и родителей. Он пишет, что центральной силой исторического изменения являются психогенные изменения в личности, происходящие вследствие взаимодействий сменяющих друг друга поколений родителей и детей. Л. Демоз подразделяет всю историю детства на шесть периодов, каждому из которых присущи определенный стиль воспитания и форма взаимоотношений между родителями и детьми. Концепция Л. Демоза – это оригинальный способ показать эволюцию европейской культуры через модели детства.

В России феномен детства исследовался преимущественно в рамках педагогического и психологического подходов.

Схема взаимоотношений личности и культуры представляется как равнозначное взаимодействие центростремительной силы личности и центробежной силы культуры в педагогической концепции С. И. Гессена. Одним из способов восстановить нарушенное равновесие этих сил, по мнению философа, является возвращение назад, к старой, простой культуре, когда личность была свободной и цельной. Другой путь восстановления целостности личности и ее гармоничных взаимоотношений с культурой, путь постепенного роста внутренней свободы личности предлагает в своей педагогике С. И. Гессен.

Важными для данного исследования являются теоретические положения Д. Б. Эльконина, который рассматривает природу детства в контексте конкретно-исторических условий. Ценность феномена детства, по его мнению, заключается в присвоении богатств родовой культуры, и в процессе этого присвоения осуществляется развитие человека. Также психолог отмечает, что образ взрослости является центральной категорией, задающей целостность детства. В настоящее время, когда границы этого образа становятся все более размытыми и нечеткими, детям все сложнее проектировать свое будущее. О важной для свободного и творческого самоопределения ребенка в культуре роли образа взрослого писали также психологи Д. И. Фельдштейн и В. Т. Кудрявцев. Ценность детства, по мнению В. Т. Кудрявцева, заключается в развивающей взаимодействии культуры и детства как сферы самой культуры.

О смещении образа взрослого говорится и в концепции детства В. В. Абраменковой, которая характеризует современную ситуацию в обществе как детоцентризм. В. В. Абраменкова описывает, как менялась позиция ребенка в семье, и отмечает, что в настоящее время именно ребенок становится психологическим центром семьи, главным заказчиком и потребителем всяческих благ.

Для современных подходов к исследованию детства характерен взгляд на мир детства не столько как на продукт инкультурации и социализации со стороны взрослых, детство рассматривается как своеобразная субкультура со своим собственным языком, структурой, функциями и даже традициями.

И. С. Кон понимает под культурой детства автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, традициями. И. С. Кон выделяет три главные подсистемы этой культуры: детская игра; детский фольклор и вообще художественное творчество; общение, коммуникативное поведение детей. Он подчеркивает, что характерная черта современного этапа развития наук о человеке, включая изучение мира детства, – все более отчетливое понимание, что ребенок – не просто объект воспитания, социализации и других внешних воздействий, а активный и самосознательный субъект жизнедеятельности.

Автор отмечает, что в постижении детской субкультуры и детского фольклора, детской мифологии в последнее десятилетие совершен безусловный прорыв. Введены в научный оборот такие жанры и формы словесного творчества детей и подростков, как страшные рассказы и пародии на них, «садистские стихи», рукописные рассказы о любви, пародии на литературные произведения, альбомы девушек и заключенных детских колоний, изданы антологии школьного фольклора. Работы С. Н. Иконниковой, И. С. Кона, М. П. Чередниковой, М. В. Осориной указывают на исключительную роль детских практик, посредством которых и конструируется само пространство детства. С. Н. Иконникова, говоря о субкультуре детства, подчеркивает идею самоценности детства, его насыщенности переживаниями, эмоциональными отношениями, не видимыми взрослому миру и не всегда осознаваемыми самим человеком.

Особое место в ряду современных научных теорий занимают концепции трансформации детства. С. Н. Щеглова, анализируя методики изучения детства, предлагает следующую типологию концепций, отражающих изменение содержания детства на рубеже XX–XXI веков: концепция кризиса детства, концепция индивидуализации и дестандартизации детской биографии, эмансипация детства, разрыв между ранним детством и подростковым периодом, исчезновение детства, стирание границ между детством и взрослостью.

Все эти авторы отмечают, что практически оказалась нарушенной та основная среда социокультурного развития, которая является основой функционирования детства. Современный ребенок приобретает все большую

самостоятельность, но наряду с этим можно констатировать размывание идентичности, духовно-ценностной сферы, традиционных гендерных ролей, что постепенно деформирует национальный образ детства, сообщая ему чуждое культурной традиции направление развития и поставив детство в зону социального риска.

Последствия размытой идентичности были предсказаны философами Э. Фроммом, Г. Маркузе, Й. Хейзинга. В современном обществе, по мнению автора, необходимо понять положение детства в условиях постоянных перемен. Необходимо разработать стратегию адаптации детства к переменам.

Во втором параграфе «Символизм детства и возрастных переходов» отмечается, что методологически значимыми для изучения символов детства и возрастных переходов выступают теории К. Г. Юнга об архетипах, Э. Кассирера о человеке как творце символов, М. Элиаде о соотношении сакрального и профанного в контексте реальности и ритуала, А. ванн Геннепа о символических этапах человеческой жизни, В. Тэрнера о ритуальном символе.

Существенное методологическое значение для исследования символической атрибутики детства имеет концепция К. Г. Юнга, который понимает культуру как систему символов. Он считает человеческую потребность в символизации более настоятельной, чем какую-либо другую. С помощью символов человек создает модель окружающего мира, строит планы поведения и сценарии развития событий, ориентируется в историческом и социальном пространстве. Символ, согласно К. Г. Юнгу, выражает то, что мы лишь предчувствуем, но точно не знаем. В нем есть возможность развертывания содержания путем домысливания, воображения, ассоциативных связей. Именно путем изучения символов К. Г. Юнг приходит к выводу о единстве архетипических оснований всех культур.

Одним из первых на знаковом характере культуры акцентировал внимание Э. Кассирер. Он заложил основы семиотического подхода в исследовании культуры. Культура, согласно философской концепции Э. Кассирера, понимается как продукт символической деятельности человека, в свою очередь опосредованный символикой речи. Исходя из взаимообусловленности существа человека и культуры, он анализирует основные из существовавших в истории концепций человека и приходит к выводу, что символ – это ключ к природе человека. Философ говорит о человеке как о существе, создающем символы.

Принимая положение о человеке как творце символов, М. Элиаде замечал, что вся деятельность человека предполагает символизм и что каждый религиозный факт обязательно имеет символический характер. Философ пытается восстановить символическое значение религиозных фактов, на первый взгляд, разнородных, но структурно родственных. В концепции М. Элиаде символ наделен уникальными возможностями выражения сакрального в профанном и привнесения сакрального в различные структуры жизни. М. Элиаде рассматривает символы и символические системы в качестве своего рода «проводников», способствующих постоянному единению человека с

сакральным. Благодаря символам реальное существование человека архаической культуры оказывается цельным.

И К. Г. Юнг, и М. Элиаде пытались показать явную опасность пренебрежения глубинными основами культуры и в силу этого растущую опасность выхолащивания культуры, обесмысливания человеческой жизни. Архетипы выступают в качестве спонтанно действующих устойчивых структур обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта. Существуют универсальные архетипы, которые, сохраняя и репродуцируя коллективный опыт культурогенеза, обеспечивают преемственность и единство общекультурного развития, и этнические (или этнокультурные) архетипы, которые представляют собой константы национальной духовности, выражающие и закрепляющие основополагающие свойства этноса как культурной целостности.

Сторонники культурвитализма отмечают, что культурные архетипы определяют особенности мировоззрения, характер художественного творчества, способы разрешения противоречий, реакции на значимые ситуации. От их целостности и аутентичности зависит жизненность культуры. В случае разрушения, ломки культурных архетипов, замещения их чужеродными культурная система утрачивает свою органичность, способность к самовоспроизведению, самосохранению и самовыражению.

В традиционном обществе значимые аспекты поведения, общекультурные знания и навыки передавались посредством фольклора, народных праздников, обрядов, игр и забав. Атрибутика детства также пронизана символами, выражающими понимание места ребенка в мироздании, границы детства, нравственные приоритеты культуры и цели воспитания. В ритуалах, игрушках, фольклоре, забавах выражаются глубинные образы конкретной культурной системы, которые хранят и воспроизводят характерную для данной культуры картину мироздания в ее ценностно-смысловом своеобразии.

В ритуалах и играх, которые приурочены к тем или иным моментам или событиям трудовой деятельности людей (например, земледельческие праздники), наиболее полно раскрываются этнические особенности этой деятельности. Можно согласиться с Н. А. Смирновой, которая выделяет четыре функции традиционной игры в социокультурных процессах: первый тип обеспечивает особые способы межпоколенной трансляции универсальных и этноспецифических категорий общественного опыта в исторической перспективе; второй тип проявляется в том, что она является источником поступательности в развитии культуры; третий тип составляют социализирующие функции традиционной игры; четвертый нацелен на решение задач самоопределения детского сообщества внутри общественного целого.

Игрушки представляют собой особую сферу культуры, содействуя приобщению ребенка не только к широкому кругу понятий, но и формируя отношение к действительности и национальный характер. Игрушки и игры имели образовательное значение, согласное с духом народа.

Важным атрибутом детства как особого социокультурного феномена является детский фольклор. Детский фольклор традиционно учитывает психолого-возрастные особенности восприятия ребенка сенситивного возраста: ограниченность объема воспринимаемой информации, рассеянность внимания, ведущую роль зрительной памяти, подключение образного и моторного восприятия. Он способствует формированию архетипичных представлений о строении мира, непосредственное прикосновение детей к обычаям. В традиционной культуре ребенок сопровождался, «окутывался» шлейфом пестушек, колыбельных, потешек, сказок, песен, которые приходили из глубины веков, отражали культурные архетипы и картину мира, устанавливали многоканальные связи между исполнителем и слушателем.

Народные сказки также хранят в себе многочисленные отголоски, имеющие архетипический характер. Создавая сказки, народ стремился отразить в них свои лучшие черты, идеалы, ценности, принципы и передать их подрастающему поколению.

В работах В. Я. Проппа и Дж. Кэмпбелла мифы и сказки различных народов сопоставляются с обрядами перехода, особенно инициациями. Мифы и волшебные сказки обычно отражают путь успешной инициации. В. Я. Пропп возводит сказку к древним социальным институтам, особо выделяя среди них обряд посвящения, и к архаическим представлениям о смерти. Сложение этих двух циклов дает почти все мотивы волшебной сказки, соответствующие обрядовым действиям или же их интерпретациям во многих архаических культурах. Дж. Кэмпбелл не ограничивается каким-либо жанром и фольклорной традицией и во всех без исключения мифах и сказках находит одну и ту же психологическую матрицу для преодоления кризисов индивидуального развития.

Инициация подразумевает отмирание неадекватных и неактуальных жизненных паттернов и рождение новых, более соответствующих статусу иницируемого. Таким образом, происходит трансформация, изменение.

Инициации как одну из разновидностей обрядов перехода рассматривает в своих работах А. ван Геннеп. Он объединил в одну категорию обряды, проводимые при пересечении границ племени, обряды жизненного цикла и календарные обряды. И хотя понятие «обрядов перехода» впоследствии подвергалось переосмыслению и в наше время так называют только обряды жизненного цикла, к тем сопоставлениям, которые лежали в основе первоначального варианта теории, последователи А. ван Геннепа возвращались неоднократно. Суть теории обрядов перехода заключается в существовании неких переходов, радикальных перемен существующего положения. Свою теорию А. ван Геннеп выводит из наличия в обществе множества групп и подгрупп. Он считает, что чем ниже уровень цивилизации основного общества, тем более четко очерчены в нем и автономны малые сообщества. Человек в своей жизни последовательно проходит некоторые этапы, каковыми являются: рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство/материнство, повышение общественного положения, профессиональная специализация,

смерть. Каждое из этих явлений сопровождается действиями, у которых одна и та же цель: обеспечить человеку переход из одного определенного состояния в другое, столь же определенное.

Методологически важным является также понятие ритуального символа, разработанное В. Тэрнером. Английский ученый обозначил таким образом предметы или материалы, используемые при проведении обрядов.

На материале восточно-славянских обрядов перехода А. К. Байбурин показал, что обрядовый символ, а точнее, манипуляции с ним чаще всего служат для передачи или даже дублирования его основной идеи, каковой является пересечение границы. А. К. Байбурин отмечает, что в обрядовой обстановке изменяется уровень семиотичности. В ритуале, как правило, резко увеличивается количество используемых знаковых систем: словесный язык, музыка, жесты, пение, танцы. Человек и все, что его окружает, приобретают статус знаковых объектов. Происходит семиотическое удвоение мира, переклочение с одного вида реальности на другой, основным признаком которого является знаковость.

И. С. Кон утверждает, что в системе возрастных обрядов объективируется и институционализируется свойственная культуре символизация возрастных процессов.

Атрибутика детства пронизана символами, выражающими понимание места ребенка в мироздании, границы детства, нравственные приоритеты культуры и цели воспитания. В ритуалах, игрушках, фольклоре, забавах выражаются глубинные образы конкретной культурной системы, которые хранят и воспроизводят характерную для данной культуры картину мироздания в ее ценностно-смысловом своеобразии.

Во второй главе «Традиции и новации в русской культуре детства» выявляются особенности функционирования символической атрибутики детства в традиционной культуре России и ее сущностные изменения в современной отечественной культуре.

В первом параграфе «Социокультурный смысл атрибутов детства в русской культурной традиции» рассматривается культура детства традиционного общества. В русской традиционной культуре все символы детства способствовали тому, чтобы культурная традиция не прерывалась, помогали формированию правильной социальной ориентации, отображали опыт, накопленный поколениями.

Ритуалы, маркирующие начало жизненного пути человека, являлись не только началом ритуального цикла, но и его продолжением, причем сразу по нескольким линиям: продолжением жизни коллектива, продолжением ритуальных сценариев жизни родителей и других участников ритуала. Данный цикл ритуалов начинался с родильно-крестильного комплекса, который включал в себя обрезание пуповины, производимое бабкой-повитухой под особые приговоры и заговоры; обмывание и одевание ребенка; «доделывание» младенца, родившегося на свет несовершеннолетним; действия охранительного характера, поскольку, согласно традиционным представлениям, отсутствие над

некрещеным младенцем божьей защиты делает его уязвимым для нечистой силы; крещение как второе – духовное – рождение, приносящее ребенку божью защиту, имя и крестных родителей; наделение «долей».

Стремление придать естественным процессам искусственный характер прослеживалось в обрядах, совершаемых после крещения. Человек должен видеть, слышать, ходить, говорить, но эти свойства не просто со временем приходят к ребенку, а появляются в результате выполнения определенных ритуальных действий.

Наделению ребенка «культурными» признаками пола были посвящены постриги. Этот обряд мог совмещаться с первым обрезанием волос и в таком случае совершался через год после рождения. Основные моменты пострига: посадка ребенка на объект или рядом с объектом, символизирующим мужскую или женскую сферу жизнедеятельности; обстрижение волос мальчику и заплетение косы девочке; переодевание их соответственно в мужскую или женскую одежду. Среди многочисленных запретов в первые годы жизни ребенка одним из наиболее распространенных и устойчивых был запрет стричь волосы в течение первого года жизни. Мотивировалось это тем, что иначе можно «отрезать язык» и ребенок долго не будет говорить. Вместе с тем обрезание волос является очередной операцией по «созданию» человека. Отрезанные волосы символизируют его прежнее, «докультурное» состояние. Принадлежность к роду человеческому закрепляется тем, что он наделяется «человеческими» признаками (пояс, крест). С этого момента ребенок начинает отвечать основным классификационным признакам, присущим человеку.

Игра постоянно сопровождает ребенка на протяжении всего периода детства. Все многообразие народных игр можно условно разделить на календарно-обрядовые игры и забавы, в которых, как правило, совместно принимают участие взрослые и дети, и коллективные детские игры. Последние в свою очередь подразделяются по содержательно-композиционным признакам на: игры с правилами, в основном подвижные состязательные (жмурки, догонялки); хороводные, связанные с разыгрыванием содержания песни; игры-импровизации, воссоздающие элементы ритуалов взрослых либо окружающей жизни. Автором показано, что все игровые практики, в которые вовлечены и которыми заняты дети, либо повторяют, либо дополняют обряды, ритуалы, праздники и трудовую деятельность общины. Дети подражали взрослым, копировали, имитировали их деятельность, принимали посильное участие в жизни общины. «Взрослость» была желанна, к ней стремились, стараясь как можно быстрее овладеть необходимыми навыками, готовились к прохождению возрастных переходов, позволяющих приобрести новый социальный статус.

Игрушки также передавали представления о гендерных и возрастных особенностях и ролях, они выступали «тренажерами» будущей трудовой и досуговой деятельности. Так, например, куклу Помощницу мама делала своей дочке, когда та варила свою первую кашу. По куклолке она показывала, сколько насыпать в чугунок крупы, сколько наливать воды. Большую роль играли куклы в женских возрастных посвящениях, в частности, так называемая кукла «на

выхвалку». Она являлась игровой сшивной куклой, и делали ее девочки и девушки от 7 лет до замужества. Куклу нужно было не только сшить, но и одеть и обувь. Потом эту куклу девочка приносила на посиделки к старшим девушкам для хвастовства и оценки. Они рассматривали её и решали, готова ли девчонка к тому, чтобы посещать посиделки, где девушки занимались рукоделнем, а ребята присматривали себе невест. О готовности говорило мастерство, с которым была сшита и обряжена кукла. Каждая девочка хотела быстрее сделать куколку, на которой могла показать знание костюма, чтобы попасть на посиделки. Эта кукла помогала проходить возрастное посвящение, когда девчонка начинала считаться невестой.

Символами детства в традиционной культуре русских также выступали предметы, которые обеспечивали уход за детьми, их воспитание, способствовали поэтапному приобретению ребенком навыков, специфичных для его народа, освоению бытовой и трудовой среды: колыбели, погремушки, игрушки, одежда, обувь. Широко распространены были детские орудия труда: серпы, прялки, веретенца, подойники – для девочек; орудия охоты, инструменты для обработки металла, камня, дерева – для мальчиков. С помощью традиционных игрушек передавался от старшего поколения к младшему опыт, накопленный веками.

Детский фольклор, являясь обширной специфической многосоставной областью народного творчества, также рассматривается автором в качестве важного атрибута детства. Детский фольклор включает в себя два основных пласта. Один из них – фольклор, исполняемый взрослыми для детей (сказки, колыбельные, потешки, пословицы и т. д.), - Г. С. Виноградов назвал поэзией пестования. Другой пласт – фольклор, создаваемый самими детьми (считалки, мирилки, голосянки, страшилки, перевертыши, небыллицы и т. д.).

В традиционной культуре ребенок сопровождался, «окутывался» шлейфом пестушек, колыбельных, потешек, сказок, песен, которые приходили из глубины веков, отражали культурные архетипы и картину мира, устанавливали многоканальные связи между исполнителем и слушателем.

Самый ранний младенческий период жизни ребенка связан с бытованием колыбельной песни – одного из главных слагаемых поэзии пестования. Колыбельные песни, как и другие произведения лирики материнства, уже на досознательной для ребенка стадии выполняют очень важную задачу включения его в процесс инкультурации. Она осуществляется с помощью таких художественных форм, которые соответствуют психологическим особенностям каждого возрастного этапа детства. Доречевая фаза младенчества – время гуления и лепета, время повторений, которым принадлежит роль простой игры. Эти закономерности детского мышления и речи отражают такие первичные материнские жанры детского фольклора, как потешки, пестушки и прибаутки с их разнообразными ономапопейческими сочетаниями. К концу третьего, на четвертом году жизни ребенок овладевает речью, усваивая грамматический строй языка. Это время – начало того периода детства, который отличается особым проявлением воображения, когда фантазия

наиболее развита. Именно в это время активно бытует собственно детский фольклор, творимый, исполняемый, передаваемый самими детьми. Дети также используют устное творчество взрослых, приуроченное к игровым ситуациям. Многие образцы, бытующие в детской культуре, полностью или частично повторяют песенные традиции взрослых.

Автор приходит к заключению, что в русской традиционной культуре детство представляло собой системно обоснованное, глубинное, сакрализованное явление с четко выраженными этнокультурными доминантами, а символические атрибуты детства выполняли функцию передачи культурных ценностей, смыслов, гендерных и профессиональных стереотипов от старшего поколения младшему.

Во втором параграфе «Новационный смысл культурных трансформаций в современной атрибутике детства» отмечается, что одной из специфических черт современной культуры является коммерциализация всех типов отношений, что не может не сказываться и на культуре детства. Символы и атрибуты детства часто используются в современном обществе, чтобы вызвать положительные эмоции, доверие к определенному товару или бренду, побудить к покупке. В понимании современной атрибутики детства большую роль играет философская теория Ж. Бодрийяра, утверждающая, что в обществе постмодерна люди покупают не то, в чем они нуждаются. Предметы утрачивают функцию полезности, а потребительская стоимость заменяется символической стоимостью: индивиды начинают приобретать товары, потому что они являются символами престижа, власти, благополучия. Эти символы не столько удовлетворяют конкретные потребности, сколько служат дифференционными знаками, свидетельствующими о принадлежности к конкретной группе.

Это приводит к тому, что, в отличие от детства традиционного, которое выражало мудрость веков и селективный опыт общности, народной мудрости, современная культура детства конструируется искусственно, она оторвана от национальных корней, от истории народа и зачастую от родного языка. В современной культуре «взрослость» более не является желанным состоянием, наоборот, взрослые пытаются как можно дольше задержаться в детстве, они подражают детям и изображают их. Изменяется сама ценность детства. Постфигуративная культура детства замещается префигуративной. Социокультурная сущность современной культуры детства проявляется в том, что она становится поверхностной, ризомной, эклектичной, профанной, лишенной этнокультурного своеобразия.

Хотя нельзя не заметить, что некоторые элементы традиций и обрядов, связанных с воспитанием детей, все еще присутствуют в современной культуре, но зачастую они носят поверхностный, внешний характер. Например, до сих пор дарят подарки и особо отмечают появление первого зуба, первый самостоятельно сделанный шаг. Но эти ритуалы больше не воспринимаются как социально значимые, не считаются обязательными для исполнения, а значит постепенно вытесняются из нашей жизни. Эти обряды больше не являются частью обрядового цикла, частью жизни семьи или общины, они не

обусловлены предыдущими ритуалами. Если раньше происходила культурная трансляция прошлого через настоящее к будущему, то в современном мире каждое явление, в том числе и феномен детства, существует и важен сам по себе, в статике, не получая дальнейшего развития.

Более прочное положение в современной культуре занимает игра как один из атрибутов детства. Хотя и в этой сфере в последнее время заметны значительные изменения. Исследователи замечают, что изменяется качество, сама суть детских игр: они стали невеселыми, агрессивными, индивидуалистичными. Оказалась прервана многовековая цепь передачи игровой традиции от одного детского поколения другому, и это привело к кризису игровой культуры. Игровое общение матери и ребенка и ребенка со сверстниками все чаще заменяется на теле- или аудиотранслирование, которое не создает достаточных условий для эмоционального и физического развития ребенка.

Игры календарного круга практически исчезли из повседневной жизни. Современные праздники однообразны, в них нет игры как механизма объединения двух миров – сакрального и профанного, и, как следствие, сакральное постепенно исчезает из культуры.

Игрушки в современной культуре воспроизводят нереальную, гламурную картину мира. В современном мире игрушки – это очень прибыльный бизнес, «игровая индустрия» расширяется с каждым годом, но воспитывают современные игрушки прежде всего потребителя. Для современных кукол приобретаются дома, машины, животные и друзья, ассортимент которых непрерывно обновляется и которые должны постоянно заменяться более новыми моделями. Каждый сезон появляются новые тематические коллекции в дополнение к куклам, существуют линии игровых наборов, транспорта, аксессуаров, коллекционных постеров и видеоигр.

В любой «детской индустрии» – включая производство игрушек, детской иллюстрации, литературы, мультипликации – обязательно присутствуют две установки: игрушка как товар и как средство развития, средство инкультурации. В первом случае она должна ребёнка привлечь, соблазнить, заинтриговать, заставить просить родителей купить её. Во втором – она должна его воспитать, социализировать и развить. Традиционно игрушка для ребенка – культурное орудие, с помощью которого он осваивает огромный и сложный мир, постигает законы человеческих взаимоотношений. Для товарного рейтинга нужны одни качества, и совсем другие – для того, чтобы развивать ребенка. Современная индустрия детских товаров нацелена на привлечение и потребление. Потребительское общество очень мало способствует развитию, самоопределению и взрослению ребенка. Если в традиционном обществе детство коллективно, непосредственно коммуникативно, имеет социальную направленность, то современное детство становится индивидуалистичным, опосредованным различными гаджетами и техническими средствами, направленным на гламур и потребление.

Современная музыкально-поэтическая продукция для детей не учитывает их возрастных и психологических особенностей и больше ориентирована на взрослых потребителей.

Основная проблема существования фольклорных форм в современном обществе связана с тем, что традиционные механизмы передачи фольклорного творчества – в семье, в общине – утрачены. Сейчас этой проблемой занимаются специалисты новых профессий – культурологи, этномузыкологи, фольклористы. Поэтому сегодня наблюдается постепенное исчезновение первичных материнских жанров детского фольклора – колыбельных, пестушек, потешек, прибауток, которые на самой ранней стадии выполняли очень важную задачу включения ребенка в процесс инкультурации. Даже если колыбельные присутствуют в общении матери и младенца, чаще всего это – авторские песни. Образы, которыми наполнены подобные современные песни, слишком сложные, слишком громоздкие. Чаще в роли колыбельных выступают адаптированные классические или эстрадные музыкальные произведения.

Те же проблемы касаются и детского фольклора. Песни, которые поют современные дети, – это песни, написанные взрослыми и для взрослых, а детские народные песни, заклички и приговорки, детская обрядовая поэзия практически исчезли. Зачастую в этих традиционных формах описывались детские страхи, вопросы и затруднения, с которыми сталкивается ребенок, и способы их преодоления. Их исчезновение приводит к тому, что во второй половине двадцатого века появляются и распространяются такие жанры современного детского фольклора, как страшные истории, вызывания, анекдоты, садистские стишки. Они являются результатом коллективного поиска детьми ответов на вопросы, разрешить которые индивидуальное сознание ребенка не в состоянии, – смерть и посмертное существование человека, потусторонний мир и способы общения с ним.

Специфика современного детского фольклора нашла отражение в трудах многих ученых. Попытка создания универсальной классификации сюжетов и мотивов страшных историй принадлежит С. М. Лойтер, психологические предпосылки возникновения отдельных жанров исследуются М. В. Осориной. Рассмотрению конкретных образов и взаимосвязей современного детского фольклора и литературы посвящены работы А. В. Топоркова, М. А. Мухлынина, О. Ю. Трыковой, Т. В. Зуевой. Проблемы генезиса и художественные особенности садистских стишков изучают А. Ф. Белоусов, М. Ю. Новицкая, И. А. Бутенко.

В трансформации культуры детства в культуру потребления огромную роль играют средства массовой информации, особенно телевидение. Просмотр телевидения не требует и не вырабатывает никаких навыков. В отличие от различных форм детского фольклора или даже книг, которые сильно различаются по синтаксической и лексической сложности и которые можно выстроить относительно способностей читателя, телевидение представляет информацию в индифферентной к доступности форме. Телевидение стирает границу между детством и взрослой жизнью двумя способами: оно не требует

обучения для понимания его формы, и оно не разделяет аудиторию. Телевидение и другие средства массовой коммуникации трансформируют традиционную модель детства, они используют материал взрослого мира как основу для проектирования совершенно нового типа личности. Можно предположить, что данные тенденции выражают бессознательное стремление современного человека остановить время, повернуть его вспять, чтобы отменить старость, забыть о собственной смертности, остановить череду смены поколений, приняв на себя два лика - «взрослого» и «ребенка». Этому способствуют изменения, которым подвергается символическая атрибутика детства в современном обществе:

- естественная по происхождению культура детства сменяется культурой, искусственно создаваемой авторским творчеством и торговыми марками;

- системно обусловленная и необходимая символическая атрибутика детства трансформируется в релятивную и случайную;

- коллективный характер детства преобразуется в индивидуальный;

- непосредственная культура детства традиционного общества превращается в культуру, опосредованную техническими приспособлениями и виртуальной реальностью;

- привязанная к местности атрибутика становится глобальной, не зависящей от места ее функционирования;

- имеющая гендерно-ролевую и профессионально-трудовую направленность, культура детства трансформируется в культуру, имеющую потребительскую и гламурную направленность.

В заключении диссертационного исследования подводятся итоги, сформулированы выводы и основные результаты проведенной работы, обозначены пути дальнейшего исследования заявленных проблем.

Положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. Минситова, М. В. *Метаморфозы атрибутики детства в современном обществе [Текст] / М. В. Минситова // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 3. – С. 296-298; 0,35 п. л.*

2. Минситова, М. В. *Основные теоретические подходы к исследованию символической атрибутики детства [Текст] / М. В. Минситова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2001. – № 5. – С. 12-18; 0,45 п. л.*

3. Минситова, М. В. *Традиции и новации в отечественной культуре детства [Текст] / М. В. Минситова // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 3. – С. 76-80; 0,5 п. л.*

4. Заподойникова, М. В. *Символическая атрибутика и идентификационные признаки детства в традиционной культуре России [Текст] /*

М. В. Заподойникова // Проблемы современного естественно-научного и социогуманитарного знания в системе высшего образования: сборник научных статей. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – С. 147-153; 0,25 п. л.

5. Минситова, М. В. Возрождение народных традиций воспитания детей [Текст] / М. В. Минситова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2010. – № 3. – С. 26-28; 0,3 п. л.

6. Минситова, М. В. Детский традиционный фольклор: поэзия пестования [Текст] / М. В. Минситова // Проблемы гуманитарного знания в науке и образовании: сборник научных статей / под ред. С. А. Ан. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – С. 241-244; 0,25 п. л.

7. Минситова, М. В. Детство как социально-культурный феномен [Текст] / М. В. Минситова // Философско-педагогические аспекты воспитания: теория и методика: материалы научно-практической конференции / под ред. С. А. Ан. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – С. 222-228; 0,25 п. л.

8. Минситова, М. В. Детство как фокус образовательных, воспитательных и культурных процессов [Текст] / М. В. Минситова // Российское образование в XXI веке (философские, социально-культурные и психолого-педагогические аспекты): материалы межрегиональной научно-практической очно-заочной конференции (Бийск, 1-4 июля 2010 г.) / Алтайская гос. академия образования им. В. М. Шукшина. – Бийск: АГАО им. В. М. Шукшина, 2010. – С. 172-175; 0,2 п. л.

9. Минситова, М. В. Использование символов и образов детства в современной российской рекламе [Текст] / М. В. Минситова // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решений: сборник научных статей / под ред. Н. А. Невинской. – Барнаул: Изд-во Концепт, 2011. – С. 85-89; 0,25 п. л.

10. Минситова, М. В. Роль игры в формировании этнокультурной идентичности [Текст] / М. В. Минситова // Актуальные вопросы становления и развития русской культуры: проблемы сохранения этнокультурной идентичности. / Труды ГМИЛИКА. – Выпуск XV. – Барнаул: Изд. ГМИЛИКА, "Издательский дом "Барнаул", 2011. – С. 48-51; 0,25 п. л.

11. Минситова, М. В. Сакральная роль современной куклы [Текст] / М. В. Минситова // Духовность современного образования и религия: сборник научных статей / под ред. С. А. Ан. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – С. 217-222; 0,25 п. л.

12. Минситова, М. В. Этнопедагогика раннего детства как научная отрасль [Текст] / М. В. Минситова // Наука в социогуманитарной сфере: сборник научных статей / под ред. Н. А. Невинской. – Барнаул: Концепт, 2011. – С. 150-157; 0,35 п. л.

Подписано в печать 20.10.2011. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 1,51
Тираж 110 экз. Заказ № 576.

Отпечатано в РИО ГУК «АКУНБ им. В. Я. Шишкова»
656038, г. Барнаул, ул. Молодежная, 5
Тел. 380-067, e-mail: rio_akunb@mail.ru